

Научная статья
УДК 821.161.1-1.09«18»
DOI 10.37724/RSU.2022.77.4.010

Кавказ как эмоционально-смысловая доминанта в поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей»¹

Ирина Александровна Киселева¹, Ксения Алексеевна Поташова²

^{1,2} Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия

¹ ia.kiseleva@mgou.ru

² kseniaslovo@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется малой изученностью поэмы Лермонтова «Измаил-Бей» в контексте проблемы культурного диалога России и Кавказа. Цель исследования связана с выявлением особенностей эстетики и поэтики художественного образа в «кавказском тексте» Лермонтова, с уточнением концептуальной содержательности феномена Кавказа в личностном сознании писателя. Предметом исследования является образ лермонтовского Кавказа, в котором переплетено эмоциональное восприятие и философское видение поэтом его истории. В основе исследования лежат структурно-семантический и герменевтический методы, связанные с дескрипцией соотношения формы и содержания, смысловым раскрытием элементов поэтики текста и его интерпретацией, подразумевающей наличие не только буквальных, но и скрытых значений. Установлено, что образ Кавказа в поэме «Измаил-Бей» являет собой модель мира в динамике его развития и предстает как неотъемлемая часть ценностного сознания Лермонтова. В основе создания образа Кавказа лежит принцип эмоционально-ценностного отношения и реализуемая в олицетворениях, эпитетах, сравнениях поэтика уподобления. На протяжении всей поэмы проходит мотив сближения человека и Кавказа, предлагая такой модус интерпретации поэмы, при котором духовное развитие человека понимается в тесной связи с развитием мира в его временном и собственно сущностном измерении. Кавказ в поэме «Измаил-Бей», будучи сценой развертывания событий в поэме, что обусловлено объективно историческим временем ее создания, выступает как в своей самоценности места напряжения российской внешней политики того времени, так и является своего рода фоном для изображения духовно-личностной жизни человека. Практическая значимость определяется возможностью трансляции результатов исследования в образовательный процесс высшей школы.

Ключевые слова: Кавказ, М. Ю. Лермонтов, «Измаил-Бей», философия истории, русские, горцы, эмоционально-ценностное отношение, образ рая

Для цитирования: Киселева И. А., Поташова К. А. Кавказ как эмоционально-смысловая доминанта в поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 94–102. DOI: [10.37724/RSU.2022.77.4.010](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.77.4.010).

Original article

The Caucasus as a Dominant Emotional Element in M. Yu. Lermontov's Poem "Ismail-Bey"

Irina A. Kiseleva¹, Xenia A. Potashova²

^{1,2} Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia

¹ ia.kiseleva@mgou.ru

² kseniaslovo@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is accounted for by the fact that the issue of Russia-Caucasus cultural dialogue in M. Lermontov's poem "Ismail-Bey" is underinvestigated. The aim of the research is to identify the peculiarities of aesthetic, poetic and conceptual components of the image of the Caucasus in Lermontov's poem. The object of the research is the image of the Caucasus as viewed by Lermontov and the poet's emotional and philosophical perception of Caucasian history. The research employs structural, semantic and hermeneutic methods, it analyzes poetic elements and interprets them, eliciting hidden implications. The authors maintain that the image of the Caucasus depicted in the poem is a dynamic model intrinsically connected with Lermontov's worldview. The image of the Caucasus is created by means of personification, epithets and similes. The poem focuses on personal development, on

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00025 «Россия и Кавказ в художественной историософии М. Ю. Лермонтова».

temporal and spatial interconnections between a person and the world. The Caucasus is both the setting of historical and political events and the background against which people's spirituality develops. The practical significance of the research is accounted for by the fact that the results can be used to train university students.

Keywords: Caucasus, M. Yu. Lermontov, "Ismail-Bey", philosophy of history, Russian people, mountain dwellers, emotional perception, image of heaven.

For citation: Kiseleva I. A., Potashova X. A. The Caucasus as a Dominant Emotional Element in M. Yu. Lermontov's Poem "Ismail-Bey". *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 4 (77):94–102. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.010.

Введение

Поэма «Измаил-Бей» (1832) представляет собой одно из наиболее значительных и художественно-многомерных произведений Лермонтова, привлекающих внимание исследователей. В «восточной повести» поэт изображает не только историю русско-кавказских отношений, преломленную в судьбе черкесского князя, отражает «личную судьбу и современную русскую действительность» [Григорьян, Пульхритудова, 1981, с. 187], но и являет сложные отношения человека и мира, показывает свободу как идеал устройства мироздания и трагизм земного бытия человека. При научном рассмотрении произведения исследователи обращались к его исторической основе, прототипам образа главного героя [Пожидаев, 1930 ; Косвен, 1957 ; Туганов, 1972], ее жанровому и стилевому своеобразию [Котляревский, 1912 ; Дюшен, 1914 ; Эйхенбаум, 1935–1937 ; Вацура, 2008], стиховой организации [Пейсахович, 1964], был намечен и философско-исторический ракурс анализа поэмы [Григорьян, Пульхритудова, 1981]. В современном лермонтоведении внимание исследователей по-прежнему сосредоточено вокруг романтических мотивов и модификации романтического героя [Ложкова, 2014 ; Колотухин, 2016 ; Манкиева, 2017], этнографических деталей [Бородина, 2018], религиозно-исторических смыслов поэмы [Евчук, 2012 ; Шараков, 2014 ; Киселева, 2017], однако сам образ Кавказа в его ценностно-смысловом богатстве и месте в историософии поэта еще не получил всестороннего рассмотрения.

Эмоционально-ценностная концептуализация образа Кавказа

В своей поэтической рефлексии об истоках и смыслах человеческого бытия Лермонтов совмещает «мощную исповедально-лирическую стихию» [Евчук, 2014, с. 178], реализуемую в форме доверительного рассказа («Опять явилось вдохновенье / Душе безжизненной моей» [Лермонтов, 1955, с. 153]), с размышлениями, приобретающими форму универсального обобщения («И дики тех ущелий племена, / Им Бог — свобода, их закон — война» [Там же, с. 155]). Эти две линии отчетливо просматриваются уже в начале поэмы, которое при кажущейся из-за выбранной эмоционально-лирической формы отстраненности от сюжета, «рассказа в рассказе» [Григорьян, Пульхритудова, 1981, с. 188], уже содержит в себе лермонтовское эмоционально-ценностное представление о Кавказе.

Первые строфы первой части представляют собой единоречие лирического поэта, но в то же время являются своеобразной беседой-воздействием, имеющей конкретного адресата — Кавказ. Монолог подобного типа, как указывает В. В. Виноградов, направлен «на раскрытие характеристического образа персонажа — субъекта речи» [Виноградов, 1963, с. 25]. Будучи односторонним речевым действием, монолог имеет в своей основе начальную форму личного местоимения, которая сущностно относится именно к «единственному индивиду, взятому именно в его единственности» [Бенвенист, 1974, с. 286]. На этом положении конструирования речевого действия основывается и монолог лирического поэта во вступлении к поэме: перед читателями предстает внутренний мир героя («я путник не чужой»; «Как я любил, Кавказ мой величавый», «Я наблюдал разодранный покров» [Лермонтов, 1955, с. 154]), раскрывающийся в повествовании от первого лица. В то же время конструкция лермонтовского монолога сложнее. Обращаясь к Кавказу, поэт выстраивает речевую ситуацию, по сути схожую с диалогом. К процессу самораскрытия героя оказываются причастными и сам говорящий, и адресат. По форме такой обращенный монолог схож с диалогом. Он намечает условную диалогическую ситуацию и является самостоятельным художественным приемом, сочетающим логическую передачу размышлений лирического поэта и одновременно раскрытие его чувств и переживаний.

Сигналами разговорности в монологическом введении являются местоименные конструкции, во многом именно при помощи которых создается эмоционально-личностный образ Кавказа у Лермонтова. Будучи субъективно-указательным классом слов, местоимения

представляют «действительность в ее отношении к говорящему лицу» [Виноградов, 1963, с. 25]. В своем обращенном монологе Лермонтов использует все три формы лица местоимения: первое лицо, констатирующее личностное восприятие образа Кавказа («я путник не чужой»), второе, связанное с обращением к Кавказу и обозначающее свою личностную причастность к нему («приветствую тебя», «прекрасен ты», «и вы, престолы вечные природы»), наконец, третье лицо, употребляемое при обращении к Кавказу по отношению к горам («Они меня в младенчестве носили» [Лермонтов, 1955, с. 154]). Местоимения моделируют одновременно субъект-субъектные и субъект-объектные отношения, организуют понимание места в мире себя и Другого, которым в данном случае выступает одушевленный образ Кавказа и персонифицированных гор, являющих собой его физическое (своего рода телесное) присутствие. Написанное в форме монолога, вступление к поэме «Измаил-Бей» обладает коннотацией диалогичности как за счет обращения, так и за счет употребления формы второго лица личностного местоимения («ты»), которое настойчиво повторяется и в анафорах («твоих сынов», «твоих небес» — во второй строфе, в первой строфе есть близкая конструкция «твоим горам» [Там же, с. 153]).

Первая строфа поэмы начинается с приветствия, акцентируя диалогичность монолога («Приветствую тебя, Кавказ седой») и выдвигая на первый план ценность Кавказа. Здесь поэт использует прием кенотизма (самоумаления), мотивированного не только этикетным стереотипом, что возможно при обращении к облеченному высшей властью субъекту, но и искренним желанием возвеличить Кавказ, показать в контрасте его приближающуюся к вечности многолетность и свое личное младенчество, что проявляется в виде антитезы, выраженной в сочетаниях «Кавказ седой» и «они меня в младенчестве носили» [Лермонтов, 1955, с. 153, 154].

Вторая строфа первой главы также построена в форме монолога-обращения, в котором Кавказ наделяется олицетворяющим эпитетом «величавый». Эпитет подчеркивает мощь Кавказа и содержит в себе элемент восхваления, употребляемого по отношению к «императорам, царям, королям» [Даль, 1998, т. 1, с. 156]. Лексема славянского происхождения «величавый» характерна в своих различных словоформах для исконной русской культуры (величание как жанр русских церковных песнопений, фольклорная формула «звать-величать» и др.). В лермонтовском тексте это слово, как и в русском былинном стихе, несет намерение «прославлять, чувствовать, называть по отчеству» [Там же], тем самым отражает отношение поэта как выразителя русского национального сознания к Кавказу. Наряду с величественностью тона, подчеркиваемого на уровне одического синтаксиса (используются инверсии, сравнения, обращения, риторические восклицания) и лексики (активно употребляются старославянизмы: «надо главой», «странствует», «престолы»), текст передает энергию интимно-доверительных отношений, связанных с обращением поэта к своему детству («они меня в младенчестве носили») и миру детских мечтаний и воспоминаний («И долго мне мечталось с этих пор» [Лермонтов, 1955, с. 154]).

Сферу «я» в лермонтовском тексте организуют глаголы, традиционно выражающие эмоциональное отношение («я любил») и ментальные процессы («мне мечталось», «я наблюдал»), которые, однако, также наделяются коннотативным значением любви как «сердечн<ой> привязанност<и>» [Даль, 1998, т. 3, с. 282]. В свою очередь, семантическое поле глагола «любить» совмещает два значения: его основное назначение для выражения эмоционального отношения к объекту дополняется коннотативными оттенками интеллектуального состояния. Если в первой строфе высказывается скорее уважение по отношению к Кавказу, то вторая в большей степени передает восторг перед его природными красотами, эмоциональность в ней нарастает, передается при помощи усилительной частицы «как» и сильной позицией личного местоимения «я», на которое падает ударение в первой ямбической стопе: «Как я любил, Кавказ мой величавый, / Твоих сынов воинственные нравы» [Лермонтов, 1955, с. 154]. В то же время и первая, и вторая строфы не лишены рассуждающего начала. Вторая строфа полностью построена на размышлениях поэта о том, что для него есть суть Кавказа, а указанные глаголы ментальности и эмоциональности выступают грамматическими стержневыми компонентами ситуации размышления. Основная форма построения этого размышления связана с выражением воспоминаний о Кавказе. Мысленное воспроизведение того, что было с лирическим поэтом, намечено и в самом начале первой строфы. Кавказ предстает неотъемлемой частью сознания автора, занимает особое место в его аксиосфере, неотрывен от памяти и мечтаний лирического поэта.

При создании образа Кавказа примечательным оказывается своеобразное наложение в поэтическом вступлении двух речевых ситуаций: ситуации, реализуемой в обращении к Кавказу, то есть в сам момент повествования, и ситуации воспоминания, которая имеет более сложную временную организацию, охватывающую два временных отрезка, один из которых закончился до наступления последующего. Такой «предпрошедший» отрезок, который составляют события прошедшего

предшествующего и завершённого, актуализируется в отсылке к детским годам, активным деятелем в этом временном отрезке выступает сам Кавказ, точнее, Кавказские горы: «Они меня в младенчестве носили / И к небесам пустыни приучили». Границу этих событий поэт четко фиксирует в наречии обстоятельства времени «с этих пор» («И долго мне мечталось с этих пор»), приобретающего в ситуации воспоминания и некоторый психологический оттенок. Поэт рефлексивует свои чувства и подчеркивает этим наречием обращенность их начала в прошлое, органичное усвоение любви к Кавказу с самых ранних лет. Акцентируемое прошедшее время («я любил», «я наблюдал» [Лермонтов, 1955, с. 154]) носит делящийся характер. По временным координатам оно совпадает с жизнью самого лирического героя.

Поэту недостаточно констатации своего отношения. Глагол «любил» предваряет развернутые воспоминания о том, что же является в Кавказе притягательным и вызывает глубокую привязанность. Эти воспоминания возникают произвольно при обращении к Кавказу, взгляде на его горы, и реализуются не в действиях, а в ярких зарисовках пейзажных образов, увиденных и прочувствованных в прошлом. Воспоминания лирического героя слагаются из цветных картинок, и в этой образности мышления состоит одна из ведущих особенностей художественной системы поэта, которая «сочетает в себе мысль и зрительность образа» [Киселева, 2017, с. 121]. Переводя свой монолог в регистр памяти, поэт наделяет конкретно-физическим действием объекты воспоминания — облака, луну, солнце, которые приобретают статус активных субъектов. Каждый из них снабжается колоративом, палитру поэтического фрагмента составляют яркие насыщенные цвета — синий («по синим сводам»), лазурный («небес прозрачную лазурь»), золотой («поток озолотится»), лиловый и багряный («лиловые, с багряными краями» [Лермонтов, 1955, с. 154]). Такая эмоциональная реакция на пейзаж говорит о полноте приятия поэтом тварного мира и восторга от радости соприкосновения с ним.

Каждая созданная в «восточной повести» картинка имеет ассоциативную обусловленность: показывая, что значит для него Кавказ, поэт подчеркивает посредством выбранных для изображения объектов онтологическую первозданность природы и делящуюся в настоящем ее райскую память. Автор останавливает свой взгляд на незыблемых явлениях: его внимание привлекают горы («престолы вечные природы», «горы снеговые»), небеса («к небесам пустыни», «небо юга да утесы гор», «твоих небес прозрачную лазурь») и небесные «обитатели» — облака («как дым синяя, облака», «в вечерний час дождливых облаков», «на запад облака другие»), луна («и луна / По синим сводам странствует одна»), солнце («и вдруг проглянет солнце») [Лермонтов, 1955, с. 154]. То же постоянство акцентируется и в обрисовке цикличности смены времени суток: поэт в этом небольшом вступлении показывает делящиеся, повторяющиеся фрагменты бытия. Пейзаж развивается от вечернего («Когда, как дым синяя, облака / Под вечер к вам летят издалека») и ночного («Когда пещеры и холмы крутые / Как стражи окликаются ночные») к утреннему («И вдруг проглянет солнце, и поток / Озолотится»). Затем снова изображается вечер («В вечерний час дождливых облаков / Я наблюдал разодранный покров») и вновь наступающий рассвет («еще скорей / Его рассеет ветра дуновенье» [Лермонтов, 1955, с. 154]). Динамика проявлений природного времени и разнообразие его примет дает многомерную объемную картину природного богосозданного своего рода вечного мира.

Отношение к Кавказу проявляется и в особой его характеристике, выраженной метафорическим эпитетом «седой», который по сути оказывается метафтонимией, то есть синтезом метафоры и метонимии. Образ седого Кавказа рождается на основе смежности понятия Кавказа и Кавказских гор, которые можно понимать как «один из ведущих ландшафтов Лермонтова» [Киселева, Поташова, 2020, с. 136] с их снежными вершинами и облаками на них (ср.: «седовласый Шат» в стихотворении Лермонтова «Спор» [Лермонтов, 1954, с. 193]), и скрытого сравнения Кавказа через его олицетворение со старцем. Результатом подобного слияния становится возможность дать в образе саму идею Кавказа, как отмечалось исследователями: «...главное предназначение взаимодействующих между собой метафоры и метонимии в концептуализации» [Ковязина, 2020, с. 252].

Событийный сюжет и система персонажей как отражение авторских размышлений о Кавказе

Если в начале поэмы, а также в отдельных ее строфах, по ходу развития действия доминирует речевая экспрессия, то основной текст имеет повествовательно-описательную организацию. В третьей строфе Лермонтов метко описывает нравы горцев: «И дики тех ущелий племена», «Там поразить врага — не преступленье; / Верна там дружба, но вернее мщенье; / Там за добро — добро, и кровь — за кровь, / И ненависть безмерна, как любовь» [Лермонтов, 1955, т. 3, с. 155]. Поэт уделяет внимание и отношению к русским в исторический момент делящегося

настоящего: «Там в колыбели песни матерей / Пугают русским именем детей» [Там же, с. 156]. Однако, притом что Лермонтов акцентирует обстоятельства военного времени, он уже в четвертой строфе описывает ситуацию возможности мирного сосуществования двух культур в их взаимном уважении, рассказывая о своей встрече со стариком-чеченцем. Строфа заканчивается образом седого старика, который отождествляется с самим образом Кавказа посредством сравнения («Как серая скала, седой старик») и уподобления («Его молчанье и молчанье скал: / Я их в тот час почти не различал!») [Там же]. Этот мотив сближения человека и Кавказа проходит на протяжении всего повествования, задавая модус интерпретации поэмы, в которой духовное развитие человека неотрывно от развития мира в его временном и собственно сущностном измерении.

Основная часть поэмы представляет собой поэтически обработанный рассказ старика о судьбе Измаил-Бея, который с 14 лет воспитывался у русских, а затем бежал на Кавказ и влился в сопротивление кавказских племен, став одним из лидеров воинственных набегов черкесов. Поэт впадает в свое повествование и песни об идеалах кавказской жизни, и переживания, и описание роскошных горных пейзажей, и речи полюбившей Измаил-Бея лезгинки Зары, и речи самого князя, и высказывания и мысли других горцев, облеченные в форму обращенных монологов («Враг лихой! / Тебе могила уж готова!», «Он говорит: / “В тиши ночной / Мы нападём на их отряды”») [Лермонтов, 1955, с. 186]).

Поэма имеет вступление и трехчастную композицию. Первая часть повествует о прибытии Измаил-Бея на Кавказ («Кто ж этот путник? русский? Нет»), его встрече с Зарой, дает сведения о происхождении героя и готовности воевать против русских. Вторая часть связана с изображением черкесской организованной агрессии («Черкес готовил дерзостный набег») и рассказывает о жизни Измаил-Бея в России. В третьей части констатируется поражение горцев («Горят аулы; нет у них защиты, / Врагом сыны отечества разбиты») [Лермонтов, 1955, с. 160, 179, 201]), подводятся итоги жизни Измаил-Бея, не сохранившего Зару и павшего в результате своих и разыгравшихся вокруг него страстей в естественности военных условий.

Драматическая напряженность поэмы у Лермонтова сопрягается с ее лиризмом и сильно выраженным повествовательным началом. Наряду с эмоциональной передачей своего восторженного отношения к Кавказу поэт представляет и развитие действия, и значимые суждения о судьбе человека и о судьбе Кавказа в его концептуальном образе. Именно судьба Кавказа, весьма вероятно, и является основным предметом поэмы, поэтому обращенность к нему в начальных строфах становится организующим началом текста, задает настроение поэмы. Через движение сюжета, через систему образов, через обобщающие размышления поэт, с присущим ему «острым чувством истории» [Киселева, Поташова, Ермакова, 2022, с. 72], пытается передать свое видение развития русско-кавказских отношений. Наконец, его историческая концепция выражена и в прямом рассуждении, начинающем третью часть поэмы:

Смирись, черкес! И запад и восток,
Быть может, скоро твой разделит рок.
Настанет час — и скажешь сам надменно:
Пускай я раб, но раб царя вселенной!
Настанет час — и новый грозный Рим
Украсит Север Августом другим!

[Лермонтов, 1955, с. 201].

Как верно было отмечено исследователями, здесь «параллельно развиваются две истории: история постепенной неотвратимой гибели патриархального уклада жизни кавказских народов и история трагического одиночества и духовного крушения человека, задумавшего бежать от настоящего с его язвами и противоречиями в прошлое, которое видится ему простым, естественным и гармоничным» [Григорьян, Пульхритудова, 1981, с. 189]. Но это простое и гармоническое существование является своего рода утопией, так как естественный человек подвержен страстям не менее, чем человек цивилизованный. Убежав от несчастной любви и отягченный желанием мести, Измаил-Бей не способен обрести счастье, явленное ему в образе Зары. Поэт и показывает, и рассуждает о том, что человеку невозможно убежать от самого себя: «Пока не сбросит прах в могилу, / Он не оставит гордых дум... / Такой непобедимый ум / Природой дан был Измаилу!» [Лермонтов, 1955, с. 217].

Лермонтов восторгается доблестью, отвагой, красотой, любовью к свободе горцев, однако показывает и неприглядную сторону их жизни, в которой находится место смертоубийственной зависти старшего брата Измаила — Росламбека («Уж клевета и зависть — всё над ним!»),

жестокости («им крови надо!»), принятию преступления как нормы жизни («Питаются разбоем и обманом» [Лермонтов, 1955, с. 189, 185, 222]). Поэт изображает Кавказ многоликим, в его райской природе и в его реакции на критические ситуации, в его красоте и в его агрессии, которая в сознании лирического героя переносится даже на природу («...и Бешту / Теперь их мысли понимает, / На русских злобно он взирает» [Там же, с. 158]). Также контрастны два центральных персонажа поэмы — антигерой Росламбек и влюбленная в героя Зара. В Заре персонифицировано все лучшее, что есть в диком крае Кавказских гор, она — сама любовь в ее естественности, жертвенности и красоте, именно в ней проявляется образ Кавказа в его первозданности как земного рая («создание земли и рая» [Там же, с. 169]). При этом Зара представлена и как сильная личность, способная к самостоятельным решениям и поступкам. Росламбек олицетворяет разбойничье коварное начало, в том числе привнесенное ситуацией войны («И умный князь, лукавый Росламбек, / Склонялся перед русскими смиренно, / А между тем с отважною толпой / Станицы разорял во тьме ночной»), и звериную жестокость («И головы рубил им для забавы» [Там же, с. 179]).

Отягченный жаждой мести и разочарованный в любви, Измаил-Бей погибает врагом русских и отвергнут по смерти своими воинами, увидевшими на его груди «белый крест на ленте полосатой» [Лермонтов, 1955, с. 224]. Причастный двум мирам и ставший им обоим чужим (Лермонтов отдает здесь дань романтизму с его культом одиночества и отверженности героя, недаром эпитафией к первой и второй части становятся слова из поэмы Байрона, а эпитафией второй части — из В. Скотта), герой умирает от предательской руки своего брата Росламбека: «Жестокий брат, завистник вероломный! / Ты сам наметил выстрел роковой, / Ты не нашел в горах руки наемной!» [Лермонтов, 1955, с. 215]. В этом эмоционально-оценочном суждении Лермонтов подчеркивает и способность охваченного человека страстью дойти до неестественного братоубийства («Небесный суд да будет над тобой» [Там же, с. 224]), и высокие представления о чести, которая не продается, что выражается в отказе горцев стать наемными убийцами своего брата по оружию.

Заключение

Созданный поэтом образ Кавказа обусловлен как объективно историческим временем создания поэмы, когда Кавказ стал местом напряжения российской внешней политики, так и его природными характеристика, связанными с представляемым человеком образом рая. Кавказ в поэме является и самостоятельным образом, и своего рода фоном для изображения духовно-личностной жизни человека. Центральная мысль поэмы связана с пониманием неотвратимости движения исторического процесса, горестной неизбежности войны в поврежденной грехом действительности и вечной ценности для человека памяти рая как образа абсолютной красоты и неиссякаемой любви. Все эти константы эмоционально-лично переживаются как лирическим героем, так и определяют бытие героев поэмы. Вера и уверенность Лермонтова в исторической миссии России («новый грозный Рим» [Лермонтов, 1955, с. 201]) не противоречит его восторгу перед самобытностью и красотой Кавказа и желанию сохранить его как рай на земле. Приветствовавший Измаила русский говорит ему:

Поверь: меня, как вас, пленяет
И водопад, и темный лес;
С восторгом ваши льды я вижу,
Встречая пышную зарю,
И ваше племя я люблю...

[Лермонтов, 1955, с. 192].

С признания величия и выражения чувства родственности к Кавказу начинает свою поэму и сам Лермонтов; но если в начале поэмы акцент ставится на настоящем и на воспоминании, подготовившим восприятие Кавказа поэтом в настоящем, то заключительная часть имеет пророческую окраску, связанную с историческим будущим России и Кавказа.

Список источников

1. Бенвенист Э. Природа местоимений // Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974. — С. 285–291.
2. Бородина Н. А. Экзотическая лексика в кавказских поэмах М. Ю. Лермонтова // Мир русского слова. — 2018. — № 3. — С. 83–87.
3. Вацуро В. В. О Лермонтове. Работы разных лет. — М. : Новое изд-во, 2008. — 711 с.
4. Виноградов В. В. Стилистика. Теория литературной речи. Поэтика. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — 225 с.

5. Григорьян К. Н., Пульхритудова Е. М. Измаил-Бей // Лермонтовская энциклопедия. — М. : Совет. энцикл., 1981. — С. 187–189.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Русский язык, 1998. — Т. 1. — 699 с. ; Т. 3. — 555 с.
7. Дюшен Э. Поэзия М. Ю. Лермонтова в ее отношении к русской и западноевропейским литературам — Казань : М. А. Голубев, 1914. — 155 с.
8. Евчук О. П. Религиозно-философские контексты поэзии М. Ю. Лермонтова. — Омск : Вариант-Омск, 2012. — 117 с.
9. Евчук О. П. Измаил-Бей // М. Ю. Лермонтов : энцикл. слов. — М. : Индрик, 2014. — С. 178–179.
10. Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. — М. : Московский гос. обл. ун-т, 2017. — 178 с.
11. Киселева И. А., Поташова К. А. Динамическая поэтика в истории текста стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сон» // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18, № 1. — С. 130–145. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.6742.
12. Киселева И. А., Поташова К. А., Ермакова А. С. Смысловая наполненность понятия «история» в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Русская речь. — 2022. — № 4. — С. 63–74. — DOI: 10.31857/S013161170021744-7.
13. Ковязина Е. Н. Роль метафониции в вербализации футурологических концептов // Сибирский филологический журнал. — 2020. — № 4. — С. 251–263.
14. Колотухин Д. В. Романтическое начало в поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» // Вече. — 2016. — № 28. — С. 250–254.
15. Косвен М. О. Кабардинский патриот Измаил Аташуков // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. — 1957. — Т. 1. — С. 43–68.
16. Котляревский Н. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: личность поэта и его произведения. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. — 346 с.
17. Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 6 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954–1957. — Т. 2. — 1954. — 388 с. ; Т. 3 — 1955. — 326 с.
18. Ложкова Т. А. Байронический герой в поэмах Лермонтова и Рылеева: Войнаровский и Измаил-Бей // Филологический класс. — 2014. — № 3 (37). — С. 30–35.
19. Манкиева Э. Х. Функциональная роль трагического мотива в поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12–2 (78). — С. 41–43.
20. Пейсахович М. А. Стрфика Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова. — М. : Наука, 1964. — С. 41–91.
21. Пожидаев В. П. А. С. Пушкин о Кавказе. — Владикавказ : Типо-фото-цинк. изд-ва «Растдзинад», 1930. — 17 с.
22. Туганов Р. У. Измаил-Бей. Исторический очерк о герое одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова. — Нальчик : Эльбрус, 1972. — 175 с.
23. Шараков С. Л. Идеино-художественная доминанта поэмы М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» // Вестник Новгородского государственного университета. — 2014. — № 83-1. — С. 47–51.
24. Эйхенбаум Б. М. Комментарии // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. — М. ; Л. : Academia, 1935–1937. — Т. 3. — С. 583–584.

References

1. Benvenist Je. The Nature of Pronouns. *Obshhaja lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974, pp. 285–291. (In Russian).
2. Borodina N. A. Exotic Vocabulary in M. Yu. Lerontov's Caucasian Poems. *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word]. 2018, no. 3, pp. 83–87. (In Russian).
3. Vacuro V. V. *O Lermontove. Raboty raznyh let* [On Lermontov. Works Written in Different Time]. Moscow, New Publisher Publ., 2008, 711 p. (In Russian).
4. Vinogradov V. V. *Stilistika. Teorija literaturnoj rechi. Pojetika* [Stylistics. Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Soviet Academy of Sciences Publ., 1963, 225 p. (In Russian).
5. Grigor'jan K. N., Pul'hritudova E. M. Ismail-Bey. *Lermontovskaja jenciklopedija* [Lermontov's Encyclopaedia]. Moscow, Soviet Encyclopaedia Publ., 1981, pp. 187–189. (In Russian).
6. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka : v 4 tomah* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1998, vol. 1, 699 p. ; vol. 3, 555 p. (In Russian).
7. Djushen Je. *Pojezija M. Ju. Lermontova v ee otnoshenii k russkoj i zapadnoevropejskim literaturam* [M. Yu. Lermontov's Poem as Related to Russian and Foreign Literatures]. Kazan, M. A. Golubev Publ., 1914, 155 p. (In Russian).
8. Evchuk O. P. *Religiozno-filosofskie konteksty poezii M. Ju. Lermontova* [Religious Contexts of M. Yu. Lermontov's Poems]. Omsk, Variant-Omsk Publ., 2012, 117 p. (In Russian).
9. Evchuk O. P. *Ismail-Bey. M. Ju. Lermontov* [M. Yu. Lermontov]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 178–179. (In Russian).

10. Kiseleva I. A. *Tvorchestvo M. Ju. Lermontova kak religiozno-filosofskaja sistema* [M. Yu. Lermontov's Works as a Religious and Philosophical System]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2017, 178 p. (In Russian).
11. Kiseleva I. A., Potashova K. A. The Dynamic Poetics in Textual History of M. Yu. Lermontov's Poem "The Dream". *Problemy istoricheskoy pojetiki* [Issues of Historical Poetics]. 2020, vol. 18, № 1, pp. 130–145. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6742. (In Russian).
12. Kiseleva I. A., Potashova K. A., Ermakova A. S. The Concept of History in M. Yu. Lermontov's World. *Russkaja rech'* [Russian Speech]. 2022, no. 4, pp. 63–74. DOI: 10.31857/S013161170021744-7. (In Russian).
13. Kovjazina E. N. The Role of Metonymy in the Verbalization of Futurology Concepts. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2020, no. 4, pp. 251–263. (In Russian).
14. Kolotuhin D. V. The Romantic in M. Yu. Lermontov's Poem "Ismail-Bey". *Veche* [Veche]. 2016, no. 28, pp. 250–254. (In Russian).
15. Kosven M. O. Cabardinian Patriot Ismail Atashukov. *Uchenye zapiski Adygejskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii* [Scholarly Notes of Adygea Research Institute of Language, Literature and History]. 1957, vol. 1, pp. 43–68. (In Russian).
16. Kotljarevskij N. A. *Mihail Jur'evich Lermontov: lichnost' pojeta i ego proizvedenija* [Mikhail Yryevich Lermontov: the Poet and his Poems]. St. Petersburg, M. M. Stasjulevich Publ., 1912, 346 p. (In Russian).
17. Lermontov M. Ju. *Sochinenija : v 6 tomah* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Leningrad, Soviet Academy of Sciences Publ., 1954–1957, vol. 2, 1954, 388 p. ; 1955, vol. 3, 326 p. (In Russian).
18. Lozhkova T. A. Byronic Character in Lermontov's and Ryleev's Works: Voynarovskiy and Ismail-Bey. *Filologicheskij klass* [Philological Class]. 2014, no. 3 (37), pp. 30–35. (In Russian).
19. Mankieva Je. H. The Functional Role of the Travesty Motif in M. Yu. Lermontov's Poem "Ismail-Bey". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Applied Issues]. 2017, no. 12–2 (78), pp. 41–43. (In Russian).
20. Pejsahovich M. A. Lermontov's Stanzas. *Tvorchestvo M. Ju. Lermontova* [M. Yu. Lermontov's Works]. Moscow, Science Publ., 1964, pp. 41–91. (In Russian).
21. Pozhidaev V. P. A. S. *Pushkin o Kavkaze* [A. S. Pushkin about the Caucasus]. Vladikavkaz, Rastdzinad Publ., 1930, 17 p. (In Russian).
22. Tuganov R. U. *Izmail-bej. Istoricheskij ocherk o geroe odnoimennoj pojemy M. Ju. Lermontova* [Ismail-Bey. A Historical Essay on the Title Character of M. Yu. Lermontov's Poem]. Nalchik, Elbrus Publ., 1972, 175 p. (In Russian).
23. Sharakov S. L. Ideas and Images of M. Yu. Lermontov's Poem "Ismail-Bey". *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod State University]. 2014, no. 83-1, pp. 47–51. (In Russian).
24. Jejhenbaum B. M. Comments. *Lermontov M. Ju. Polnoe sobranie sochinenij* [Lermontov M. Yu. Collected Works]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935–1937, vol. 3, pp. 583–584. (In Russian).

Информация об авторах

Киселева Ирина Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета.

Сфера научных интересов: история русской литературы XIX века, текстология, личность писателя-классика, взаимодействие творческих индивидуальностей, художественная историософия.

Поташова Ксения Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета.

Сфера научных интересов: русская литература XIX века, художественный образ, визуальность, экфрасис, взаимодействие искусств.

Information about the authors

Kiseleva Irina Aleksandrovna — Doctor of Philology, Professor in the Department of Russian Classical Literature at Moscow State Regional University.

Research interests: Russian literature of the 19th century, textology, classical writers, interaction of creative people, artistic historiography.

Potashova Xenia Alekseyevna — Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Russian Classical Literature at Moscow State Regional University.

Research interests: Russian literature of the 19th century, literary image, visuality, ekphrasis, interaction of arts.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; принята к публикации 15.10.2022.

The article was submitted 30.09.2022; accepted for publication 15.10.2022.